

Трубников П. О розах и терниях писательской жизни // Новое русское слово. 1933. 13 августа. № 7504. С. 8.

О РОЗАХ И ТЕРНИЯХ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

КАК БЕДСТВОВАЛ ИЗДАТЕЛЬ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» А. С. СУВОРИН И КАК МОРСКОЙ ОФИЦЕР МЕНЬШИКОВ СТАЛ ЕГО ГЛАВНЫМ ФЕЛЬТОНИСТОМ.

Фельетоны Лейкина охотно читались, его книги получили завидный тираж, «Наши заграничные» пролетели стаей изданий. Он и по жизни прошел легко и сытно. Нельзя было ему отказать и в оригинальности. Представляйте себе низенького, широкоплечего, хромого на одну ногу человека в длинном сюртуке. Лейкин происходил из крестьян Ярославской губернии, мальчишкой его привезли в Петербург, он стал лавочником, скоро выбился в люди, начал писать и, практически от природы, ухитрился построить себе дом.

Его выбрали в гласные петербургской думы потом он оказался одним из заправил городского Кредитного Общества. Лейкин говорил, что им написано свыше двадцати тысяч рассказов и сенок.

Отличаясь большим и своеобразным гостеприимством, он сам любил бывать в гостях, любил «рассеяться», т. е. снять сюртук и целые часы провести за столом. В компании он много выпивал, и после сытного, обильного ужина, к общему удивлению посылал за отравительной «футлишкой» копченой колбасой и ел ее с наслаждением. Его дом на Дворинской ул. был открыт для всех. Он угощал охотно и широко и, чтоб подчеркнуть свое расположение к гостю, всегда указывал цену закусок.

— Кушайте этот балык. Он стоит 2 рубля 75 коп. за фунт.
— Выпейте этой марсалы. Я

заплатит за нее 2 рубля 80 коп. за бутылку.

Вот, кильки, — и не 45-копесничная, а стоят они 60 коп. Лейкин был бездетен, жил с сиротой, Прасковьей Никифоровной, и вдруг купил для себя огромное имение графа Строганова на Неве, с целым дворцом. Как то к нему приехал А. П. Чехов, и Лейкин тот же водил его по комнатам, показывал свой необъятный дворец. Чехов удивился:

— Зачем вам, одинокому человеку, вся эта чепуха?

И Лейкин объяснял:

— Прежде здесь хозяевами были графы, а теперь я — Лейкин, — хам.

Никто из вспоминающих о Москве не в силах пройти молчаньем фигуру, личность, анекдотически выходящую Влад. Ал. Гиляровского.

Его железные мускулы на руках приводили в трепет испытанных силачей. Гиляровский обладал громаднейшей силой, не боялся решительно никого и ничего, обнимался с самыми лютыми псами, вытаскивал с корнем деревья, и схватил бы даже ког...

В саду «Эрмитаж», где была устроена машина для измерения силы, Гиляровский так измерил свою силу, что всю машину выворотил начисто из земли. Он был репортером, по отделу происшествий, в «Русских Ведомостях», и, кроме того, писал

стихи. Во всех его поэмах фигурировали ушкунники, казацкая полнина, Волга-Магушка и рваные ноздри.

Этот человек был знаком решительно со всеми, — его все знали и он всех знал. Начиная с графов, князей, предрежащих властей, и кончая последним дворником и городовым, он со всеми держал себя за панибрата, всюду имел пропуск, бывал там, где не могли бывать другие, во всех театрах считался своим человеком и никогда не платил за проезд по железной дороге.

Однажды на улице Мих. Павл. Чехова кто-то вдруг окликнул:

— Эй, Миша, куда идешь?

Это был Гиляровский. Он ехал на извозчике куда-то по своему репортерскому делу. Мих. Павлович подбежал к нему и сказал, что идет домой.

— Садись, я тебя подвезу.

Тот обрадовался и сел, но, отъехав немного, Гиляровский вдруг вспомнил, что ему нужно в театр «Эрмитаж», к Лентовскому, и, вместо дома, спутник Гиляровского оказался на Самотеке, в опереточном театре. Летние спектакли начинались тогда в пять часов вечера. Гиляровский с Чеховым попали как раз к началу.

Посиди здесь, — сказал Гиляровский, — я сейчас приду.

Подождал занавес, пошел спектакль, Гиляровского все нет и нет. Вдруг к Мих. Павловичу подошел капельдинер и потрещал билет. Его не оказалось. Капельдинер взял «зайца» за рукав и повел к выходу. Но тут, точно из под земли, вырос Гиляровский.

В чем дело? Что такое?

— Да вот, спрашивают с меня билет, — запелетал М. П.

— Билет? — обратился Гиляровский к капельдинеру. — Вот тебе, миленький, билет!

После этого к от газет, он прожил капельдинеру. Тот удивлялся и пропустил обоих на место.

Но Гиляровскому не сиделось. — Я, кажется, хотел подвезти тебя домой? — вспомнил он.

Извозчик оказался далеко на углу и, в оживлении, мирно дремал. Гиляровский подошел к нему и тряхнул за козлы, — извозчик покачнулся всем телом и чуть не свалился на землю. Но ехали. Но на углу Садовой и Сретенки Гиляровский вспомнил опять, что ему необходимо за чем-то быть на Рязанском вокзале и насильно повез своего спутника туда.

Вс ретившись и поговорив на ходу с десятками знакомых, Гиляровский отправился прямо к отходившему поезду, вскопчил на площадку вагона, и уже на ходу крикнул:

— Прощай, Мишенька! Дай ручку на прощанье!

Тот протянул руку, и Гиляровский схватился за нее так крепко, что Мих. Павл. поспе в воздухе, а затем совершенно очутился на площадке вагона. Поезд шел полным ходом, и на нем вместе с Гиляровским, уезжал Мих. Павл., неизвестно куда, а в кармане не было ни копейки.

Вошли внутрь вагона и сели. Гиляровский вытащил из кармана пук газет и стал читать. Мих. Павл. решил обидеться.

— Куда вы меня везете, Владимир Алексеевич? — спросил он, наконец.

А тебе не все равно? — ответил Гиляровский, не отрывая глаз от газеты. Вошли кондуктора и стали осматривать билеты. М. П. почувствовал себя так, будто у него приготовились делать обыск. Не было ни билета, ни денег, грозил скандал, и шараф.

Ваши билеты!

Не поднимая глаз от газеты, Гиляровский, как и в театре, оторвал два клочка и протянул их обер-кондуктору вместо билетов. Тот почтительно пробила их щипцами и, возвратив обрат-

но Гиляровскому, проследовал дальше.

Когда-то совсем молодым А. С. Суворин приехал в Москву. Тогда он был очень беден. Пришлось жить не в самой Москве, а в деревне Мазилове, за 7 верст. Приближались роды жены, денег в этот день не удалось достать и Суворин пришел в отчаяние. Обезсиленный, он шел по Сретенскому бульвару и опустился на лавочку. Подошел какой-то молодой человек с большой папкой под мышкой и подсел к нему. Они разговорились. Нового знакомого тронуло положение юного Суворина, он полез в карман и вынул оттуда пакет с пятью сургучными печатями.

— Вот, мамонька прислала мне 15 рублей, — сказал он, — я их только что получил в почтамте. Если хотите, возьмите их.

Это был В. П. Буренин, тогда еще только ученик, — он проходил курс в «Училище живописи, ваяния и зодчества». Известно, что в «Новом Времени» Суворина Буренин потом стал критиком и влиятельным членом редакции.

Неприятное впечатление производил другой, тоже влиятельный сотрудник «Нового Времени», М. О. Меньшиков.

Среди своих политических врагов достойно заслужил прозвище Иудушки, а друзей у него не было. В прошлом Меньшиков — флотский офицер, но внешность у него больше подходила к начетчику или деревенскому лычку. С розовыми, пухлыми щеками и с жиденькой русой бородкой, этот маленький «человек в футляре» никогда не расставался со своими большими калошами, ходил в теплом, ватном пальто с приподнятым воротником и с громадным, дождевым зонтиком. — Меньшиков носил его даже в сухую, летнюю погоду.

Однажды, — это было в 1902 году, — на петербургскую квартиру Мих. Павловича вдруг неожиданно явился Меньшиков и молча посидел весь вечер. Цель его прихода выяснилась к концу визита: Меньшиков прозрачно намекал Мих. Павл.-чу, о своем желании сотрудничать в «Новом Времени», — он хорошо знал, что Суворин близок с семьей Чеховых. Это домогательство он осуществил каким-то другим путем и вскоре в «Новом Времени» стали появляться «Письма к ближним». Они ничем и никак не напоминали писания Меньшикова в журнале «Неделя», где он под влиянием Л. Н. Толстого, призывал к земле, к труду и к слиянию с природой. Все сразу изменилось.

Футлярный человек в больших калошах обнаружил замечательный нюх, редкую способность улавливать капризные поветрия, грешования власти. Меньшиков оказался еще и очень практичным и скупым. В Петербурге об этом рассказывали удивительные вещи. В своей скредности Меньшиков, зарабатывавший около 50,000 в год, добывался и добился от мин. путей сообщения Рухлова бесплатного билета на проезд в первом классе от Петербурга до Царского Села, где он постоянно жил.

Выйдя из вокзала на Загородный проспект, в лютый дождевой или снежный день, Меньшиков вступал в свирепый торг с извозчиком, и, за конец до Эртелева переулочка все-же ухитрился отбить иногда даже целый гривенник.

После себя он оставил что-то около 900,000 рублей, усадьбу в Новгородской губ., — все погибло при большевиках. Самого Меньшикова убили.

Очень много и быстро писал И. Н. Потапенко.

Его рассказы, повести и романы одновременно появлялись поч-

ти во всех тонких и толстых журналах. Но у него было столько обязательств, ему приходилось посылать в разные места так много «алиментов», что никаких заработков не хватало. Никто не умел так хорошо, ловко и крупно брать авансы, как он.

— Единственное место, — шутит Потапенко, — где нельзя получить аванса, это — Мелихово.

Чехов писал неторопливо. К тому же ему мешали посетители. Урвав минутку, он писал строчек пять-шесть, снова поднимался и шел к гостям.

— Написал на 60 коп., — говорил он, улыбаясь.

Иногда в Мелихове оба усаживались за стол, друг против друга, — Чехов и Потапенко. Как-то между ними произошел разговор.

— Скажи, пожалуйста, Игнатий Николаевич, как это ты ухитришься так скоро писать? Вот я написал всего только десять строк, а ты накатал уже целые пол листа?

И, не отрывая глаз от бумаги, Потапенко отвечал:

— Есть бабы, которые не могут разрешиться от бремени в течение целых двух суток, а есть и такая, которая рождает в один час.

Как грустно все, что читаешь о последних годах Лескова! Воистину: «Истерзанный». Это верно. Седой человек с печальным выражением разочарования на лице, Лесков к годам старости казался безпрядельно угнетенным, будто нес какой-то тяжкий груз неисконных грехов. Со слезами на глазах он трогательно советовал Ант. Чехову:

— Вы молодой писатель, а я — старый. Пишите одно только хорошее, честное и доброе, чтобы вам не пришлось в старости раскаиваться так, как мне.

В чем раскаиваться? И какие грехи?

Не сладка писательская жизнь была и прежде. Кругой гнет, клеветы, сладострастие чисто охотничьего преследования, искреннее и нарочитое непонимание давили и раздвигали. Свободу литературной совести сжимали и заколачивали не только правительственные верхи, но и свои соседи, собиравшие по перу, вдруг облекавшиеся в образ рыкающего и рычащего зверя.

Всетаки и тут встречались люди жизнерадостного склада. Пример — Дм. Вас. Григорович. Но и он был — полу-француз, — романскую кровь ему передала мать.

Высокий, стройный, красивый, одетый всегда с небрежным изяществом, с дорогим галстуком, он чувствовал себя очень хорошо в молодой кутерьме, заражался ею и даже охотно ухаживал за барышнями. В первый же свой неожиданный вечерний визит к Чеховым, он пробыл до глубокой ночи и кончил тем, что отправился провожать пленившую его Долли Мусин-Пушкину до самой ее квартиры. Потом, вспоминая об этом вечере у Суворина, он, смеясь, быстро болтая и задыхаясь от волнения, с молодой живостью рассказывал:

— Анна Ивановна (жена Суворина), голубушка моя, если бы только знали, что там, у Чеховых происходило!

И, подняв руки к небу, он воскликнул:

— Вакханалия, душечка моя, настоящая вакханалия!

Недавно я прочел, как по Владимирскому проспекту в Петербурге шли два человека. Один сгорбленный, казался не по годам, стариком, другой рядом с ним, высокий, прямой и статный производил впечатление совсем молодого человека, — Достоевский и Григорович, — русская и французская кровь.